

шей ясностью невозможность доказать то, что стоитъ внѣ чело-
вѣческаго разумѣнія.

Нѣкоторые современные мыслители предсказываютъ фило-
софіи новое будущее на основаніи союза съ позитивной наукой;
вооруженная новымъ запасомъ истинъ, можетъ стать, она по-
строить свой духовный космосъ съ помощью фактовъ, а не от-
влеченностей. Во всякомъ случаѣ, роль ея въ современной мысли
измѣнилась: уже не откровенія ждуть отъ нея, а пониманія дѣй-
ствительности; она должна обнимать совокупность всего сущаго,
но отъ нея не ждуть, чтобъ она руководила наукой, а чтобъ
слѣдовала за нею и озаряла свѣтомъ своимъ ту мысль, которая
составляетъ сущность ея открытій. Мыслью объясняется явленіе;
разумъ одухотворяетъ область конкретнаго.

Можетъ стать, этотъ союзъ будетъ тѣмъ вторымъ синте-
зомъ, который слѣдуетъ послѣ долгаго, тщательнаго и томитель-
наго анализа. Богатая жизнь вѣка, въ многосторонности которой
трудно разобраться уму, должна повести къ единству, вслѣдствіе
естественнаго закона, по которому между противорѣчащими функ-
ціями перевѣсъ остается за той, въ которой болѣе жизненности,
которая глубже коренится въ организмѣ; такъ и въ области ду-
ховныхъ интересовъ преобладаніе должно остаться за тѣмъ, кото-
рый болѣе соответствуетъ требованіямъ челоуѣческаго духа.

Но какъ явится истина? Или гдѣ та категорія истинъ, овла-
дѣвъ которыми, онъ откроетъ себѣ новые пути въ умозрѣніи?
Гдѣ послѣдняя завѣса, отдернувъ которую, глазъ, „застилаемый
мракомъ“, схватитъ хотя бы въ неясныхъ очертаніяхъ сіяющій
ликъ неизмѣнной истины, источника всѣхъ истинъ, въ кото-
ромъ, какъ въ океанѣ, всѣ онѣ сливаются въ вѣчномъ обмѣнѣ,
въ вѣчномъ движеніи, „чтобъ ткать живыя ризы божества“. Что
послѣднее слово поэта, который исканію абсолютнаго отвелъ
самое видное мѣсто въ драмѣ, построилъ ее на метафизической
задачѣ?

Послѣднее слово дѣятельнаго Фауста посвящено неусыпному
труду, личному совершенствованію и всеобщему преуспѣянію,
хотя вопль неудовлетворенной души звучитъ въ заключительныхъ
словахъ. Но когда мракъ спускается на очи его, онъ говоритъ
о томъ свѣтѣ, который озаряетъ внутренній міръ его:

„Въ очахъ моихъ весь свѣтъ покрылся мглой,
Но тамъ, въ душѣ, тѣмъ ярче свѣтъ горитъ“.

Произведеніе, возникшее на основаніи спекулятивнаго мы-
шленія, знаменательно оканчивается мистической картиной, имѣю-